

АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ ЛУРИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ
(1902 — 1977)

Я хорошо помню свою первую встречу с Александром Романовичем. Это было в начале 1952 г. в Психологическом институте на Моховой, в главной аудитории на первом этаже, где он читал нам, пятикурсникам отделения психологии и логики философского факультета МГУ, обзорную лекцию на тему «Мозг и психика». Я увидела подвижного, коротко стриженного седого человека, очень свободно, легко общавшегося с аудиторией, с увлечением рассказывающего о своем предмете. Помню, что он часто обращался к аудитории с вопросами (что было тогда не принято), много шутил (что тоже было необычно), чертил на доске схемы. Он мне понравился живостью, энергией, увлеченностью своим делом.

Вторая встреча с Александром Романовичем произошла при защите моего диплома. Он был председателем комиссии по защите дипломных работ, а я одной из дипломниц, защищавшихся в этот день.

Защита происходила в том же «старом» Институте психологии на Моховой, в малом зале на втором этаже. Мой научный руководитель Александр Николаевич Соколов заинтересовал меня темой «Речь и мышление», и я подготовила дипломную работу, в которой пыталась выяснить (с помощью методики оценки слуховой чувствительности) семантическую нагрузку, которую несет каждое слово во фразе (в моем дипломе этой фразой был закон Архимеда). Оказалось, что смысловая «цена» разных слов — разная.

Моя дипломная работа очень понравилась Александру Романовичу, он особо отметил ее в заключительном слове, а после защиты и объявления оценок предложил мне работать во вновь организуемой лаборатории в Институте дефектологии АПН РСФСР (в качестве лаборанта). Я с радостью согласилась, хотя до этого подумывала об аспирантуре. Александр Николаевич одобрил мое решение, он с большим уважением относился к Александру Романовичу.

Шла весна 1952 г., когда в разгаре была идеологическая борьба с космополитизмом, продолжались аресты по «делу врачей», и А.Р. Лурия вынужден был уйти из Института нейрохирургии АМН им. Н.Н. Бурденко как нежелательный (по национальной принадлежности) «элемент».

Это был очередной кризис в жизни Александра Романовича. До этого он уже неоднократно подвергался преследованию со стороны властей и по поводу экспедиций в Среднюю Азию (1930—1931), и в связи с принадлежностью к школе Л.С. Выготского (особенно после 1934 г.), и из-за своих интересов к генетическим основам психики и работы на близнецах (в Московском медико-генетическом институте), и по другим поводам. Однако каждый раз Александр Романович находил для себя новое интересное поле деятельности.

Так произошло и в 1951—1952 гг., когда он пришел в Институт дефектологии. В 20-х гг. Александр Романович вместе с Л.С. Выготским работал в области дефектологии, и возвращение к этой тематике было для него естественным.

С его приходом Лурии в институт научная жизнь в нем резко изменилась. Александр Романович, (как зам. директора по научной работе) привел с собой в институт много молодых сотрудников — своих аспирантов, выпускников МГУ. Он организовал ряд новых лабораторий — психологическую, электрофизиологическую, лабораторию по диагностике умственной отсталости и др. предложил ряд комплексных программ, среди них — программу исследования детей с отклонениями умственного развития, которая включала психологические, медицинские, педагогические, физиологические исследования. Он начал применять новые методы изучения детей и новые подходы к интерпретации материалов.

С его появлением в институте на заседаниях лабораторий и на Ученом совете стали систематически обсуждаться результаты исследований, заслушиваться доклады сотрудников. Научная жизнь в институте оживилась. Так было всегда и везде, где появлялся Александр Романович. Вокруг него сразу формировался коллектив учеников и единомышленников, и все с энтузиазмом начинали работать.

В лаборатории психологии, куда я была зачислена, все сотрудники были молоды, полны энтузиазма и имели грандиозные научные планы. Все мы изучали проблему умственной отсталости детей с позиций школы Выготского—Лурии—Леонтьева. Занимались диагностикой ранних форм умственной неполноценности, изучением ее физиологических механизмов, методов компенсации.

В этом коллективе (куда входили А.И. Мещеряков, В.И. Лубовский, О.С. Виноградова, Н.П. Парамонова, Н.Н. Зислина и др.) я проработала только полгода, но за это время успела понять, что научная работа — дело очень увлекательное, и что А.Р. Лурия — тот человек и руководитель, с которым хорошо работать. Это глав-

ное впечатление я пронесла через все годы сотрудничества с Александром Романовичем, а это — двадцать пять лет, до 14 августа 1977 г., когда его не стало.

За долгие годы работы с Александром Романовичем (сначала в Институте дефектологии и санатории для детей с задержками развития, затем в МГУ им. М.В. Ломоносова на кафедре нейро- и патопсихологии) я хорошо узнала его, как и он меня, и как ученого, и как человека. И это, наверное, дает мне право писать эти строки.

Александр Романович был необычным человеком и необычным ученым¹. Это не означает, что он был лишен недостатков. Однако особенности его личности были настолько уникальны, что он оставлял неизгладимое впечатление у всех, с кем общался.

Он не всем нравился (что вполне естественно), но каждый видел в нем незаурядного человека, искренне увлеченного своим делом. Наука была смыслом его жизни, и это не просто красивые слова.

В какой-то степени наука отгораживала его от людей, от обыденной жизни. Многие интересные для других занятия для него просто не существовали. Так, он никогда (на моей памяти) не читал детективов (вообще мало читал художественную литературу, особенно — прозу, больше любил поэзию, а в юности сам писал стихи). Очень редко ходил в кино, чаще — в театр, не понимал, что такое отдых в санатории (где «отдых» — специальное занятие), не знал и не понимал музыку.

Телевизор в его доме никогда не включался. Александру Романовичу было достаточно радио (он слушал передачи на английском, немецком, французском языках).

Кругом его интересов было дело, его работа. И здесь А.Р. Лурия проявлял крайнюю любознательность. Он стремился узнать о предмете

¹ О вкладе А.Р. Лурии в науку см.: *Лурия А.Р. Этапы пройденного пути*. М., 1982; *Хомская Е.Д.* Александр Романович Лурия. Научная биографи. М., 1992.

своих исследований как можно больше. Он постоянно работал на стыке наук: психологии и медицины, психологии и физиологии, психологии и философии, физиологии и языковедения и т. д., он — и в смежных с предметом своего исследования областях не был дилетантом. Он достигал всюду высокого профессионализма, овладевая новыми знаниями очень быстро. Эта особенность Александра Романовича как ученого была удивительна.

Он разговаривал «на равных» с врачами (невропатологами, хирургами, биохимиками и др.), лингвистами, философами, специалистами по анатомии, физиологии мозга и др. А.Р. Лурия профессионально разбирался в методах регистрации моторных, сенсорных реакций, в регистрации движений глаз, сосудистых реакций (плетизограмма) и др.

Он автор «сопряженной моторной методики», положившей начало созданию «детекторов лжи». В клинической нейропсихологии он создал батарею методов, удобную и достаточную для диагностики локальных поражений головного мозга. Эта батарея под названием «луриевские методы» до сих пор пользуется большой популярностью и у нас, и за рубежом.

Таким образом, по стилю научной работы Александр Романович был не узким, а широким (синтетическим) типом ученого (сродни ученым эпохи Возрождения). И это очень необычно в наше время узкого профессионализма, высочайшей специализации в одной конкретной области и одной среде деятельности.

Удивительной была его продуктивность. За свою жизнь (которая пришлась на трудное время и для страны, и для Александра Романовича) он успел сделать так много, что с трудом верится, что подобное доступно одному человеку. Он автор более 500 публикаций по различным проблемам психологии (больше всего — по нейропсихологии); более 30 монографий и сборников (их точное число пока неизвестно). Многие монографии Александра Романовича переведены на несколько языков и выдержали по несколько изданий («Высшие корковые функции...»,

«The Nature of Human Conflicts», «Основы нейропсихологии», «Травматическая афазия» и др.).

Его научные достижения, особенно в области нейропсихологии, получили высокое признание со стороны мировой научной общественности, что подтверждено его членством в иностранных академиях и т. п.

Высокая продуктивность и высокое качество того вклада, который сделал Александр Романович в разные отрасли психологической науки (общую, детскую, историческую психологию, дефектологию и, конечно нейропсихологию), может вызвать восхищение, и это определялось не только его выдающимися способностями, но и в значительной степени его умением работать.

Александр Романович был очень организованным, дисциплинированным человеком. Каждый его день был расписан по часам. Он четко планировал свою работу и успевал за день столько, сколько другие не сделали бы и за неделю. У него было два режима работы. Один — осенне-зимний (московский), другой — весенне-летний (дачный). Московская жизнь состояла из работы в клинике (до обеда), лекций (обычно во второй половине дня), организационных дел — ученых советов и др. (в разное время), встреч с сотрудниками и другими людьми (как правило, после 6—7 часов вечера), литературной работы, написания писем (он вел очень большую переписку со многими нашими и зарубежными учеными). Дачная жизнь была не менее насыщенной. Летом Александр Романович писал книги. Если в Москве он был занят главным образом сбором материала и в какой-то мере его обработкой, то на даче он обобщал результаты исследований и готовил монографии. Почти все монографии (в мое время) были написаны им на даче, в Свистухе — небольшом поселке около станции Турист по Савеловской железной дороге, расположенном в живописном месте недалеко от канала Москва—Волга. В Москве писались лишь статьи (в отечественные и зарубежные журналы), рецензии, доклады (Александр Романович часто выступал на разных совещаниях, конференциях и т. д.). В Москве также готови-

лись материалы для лекций, которые он читал студентам МГУ. В архиве Александра Романовича сохранились толстые тетради с конспектами лекций по общей психологии и нейропсихологии.

Высокая творческая продуктивность Александра Романовича объясняется, безусловно, и четкой продуманностью всех этапов работы, начиная с замысла и кончая его конечной реализацией (в виде статьи или монографии). Все монографии А.Р. Лурии — это обобщения его экспериментальных исследований, выполненных в разные годы и на разные темы. Экспериментальная работа была его стихией. Он был мастером эксперимента (особенно в клинических условиях) и считал, что любую психологическую проблему можно решить экспериментальным путем. Прежде всего его интересовали факты. Он готов был несколько часов исследовать больного (если позволяло его состояние), выясняя характер имеющихся у него нарушений психических процессов. Все результаты исследования заносились в специальные протоколы, сделанные по заказу Александра Романовича типографским способом, или записывались на магнитофон. Подобное непосредственное общение с больным, самостоятельное «добывание» фактов было для него правилом. Своим сотрудникам он также поручал проводить обследования, но своих «тематических» больным (тех, которые нужны были Александру Романовичу для изучения актуальной для него темы) он всегда смотрел сам. Замечу, что зарубежные нейропсихологи почти никогда не исследуют больных сами, это делают их сотрудники.

Следующая стадия — обработка результатов экспериментов. Протоколы, содержащие материалы клинических нейропсихологических наблюдений, тщательно анализировались. Выяснялись недостающие звенья, т. е. пробелы в исследовании. Планировались следующие опыты. Иногда одного больного Александр Романович смотрел по 5—6 и более раз, если это требовалось для решения какого-либо вопроса. После

того как сбор материала заканчивался, делалось окончательное заключение о состоянии больного, ставился нейропсихологический диагноз, включавший описание специфики нарушений психических функций и указание на локализацию поражения мозга. Все протоколы (по разным темам) собирались в разные ящики (для этих целей у Александра Романовича был специальный, сделанный по его заказу шкаф). Каждый ящик имел соответствующее название, например: «Лобные больные», «Височные больные», «Нарушения памяти» и т. д. Протоколы опытов никогда не уничтожались (они до сих пор хранятся в архиве А.Р. Лурии). К ним он относился очень бережно и неоднократно обращался по разным поводам. Эти протоколы были тем конкретным фактическим материалом, на котором строились общие теоретические выводы и который служил базой для подготовки статей и монографий.

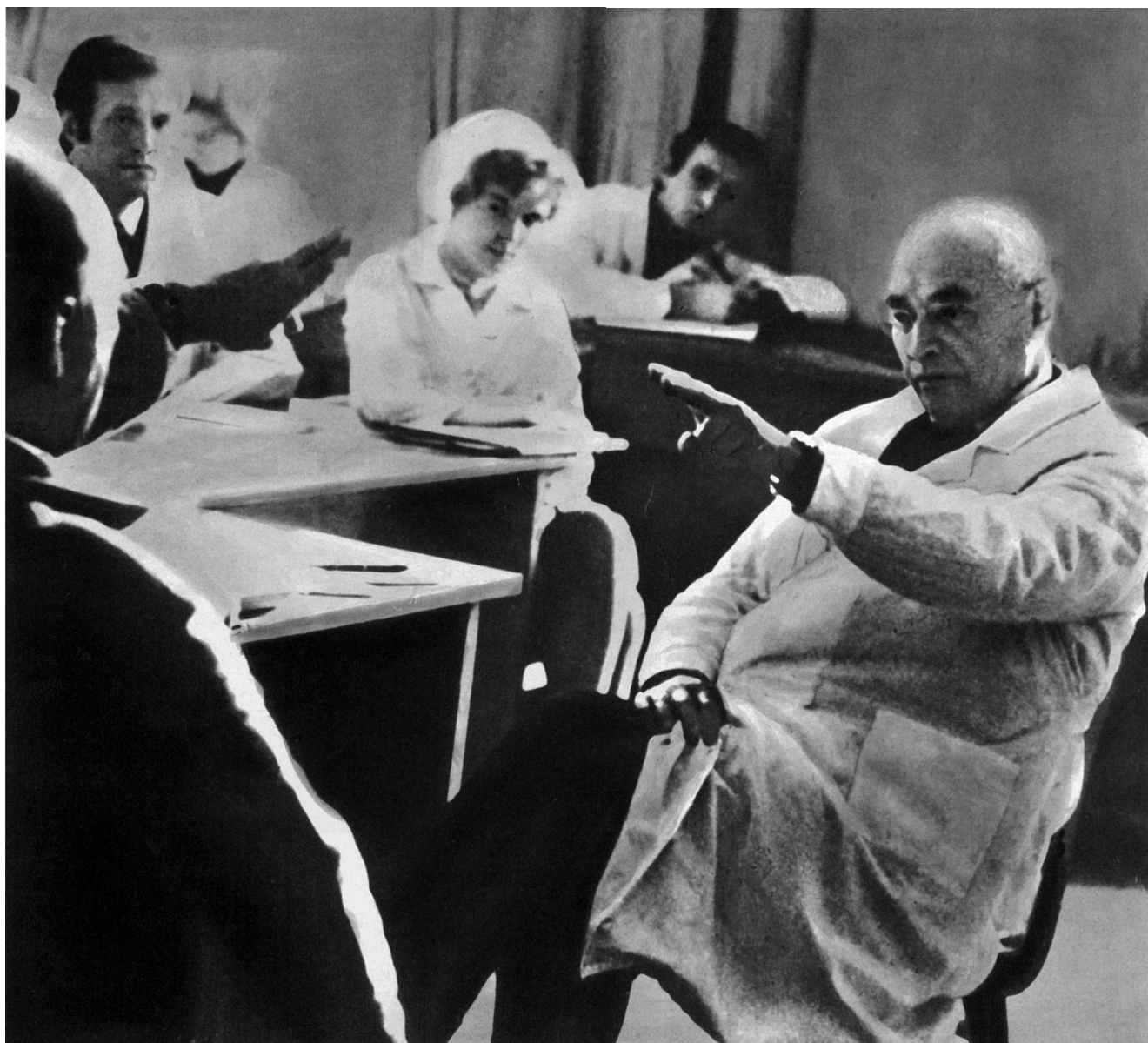
Наконец, когда Александр Романович считал, что имеющегося у него фактического материала достаточно для ответа на поставленный вопрос, начинался заключительный этап работы — написание статьи (или нескольких статей), а затем и монографии. Всем его монографиям предшествовали статьи (в отечественных и зарубежных журналах), отражающие различные аспекты изучаемой проблемы.

Подобный путь — от замысла до статьи и монографии, — казалось бы, обычен для психолога-экспериментатора. Необычным была его быстрота, умение выбрать интересную и важную с точки зрения текущих потребностей науки цель исследования, найти оригинальные и адекватные способы ее достижения и так организовать работу свою и всего коллектива, чтобы в короткие сроки (за 2—3 года) получить материал, достаточный для ответа на поставленную задачу.

Все монографии Александра Романовича (или сборники, вышедшие под его редакцией) основаны на результатах экспериментальной работы (своей и сотрудников), которую раньше не проводил никто. Все они ори-

Работа с больным.
Открытое обсуждение, на котором
присутствуют члены кафедры

гинальны и содержат новые, добытые своим трудом сведения. В них нет и намека на компиляцию или общие, ни к чему не обязывающие теоретические рассуждения. И таких книг — около 30. Это заслуживает и удивления, и восхищения.

Само написание монографий тоже было разумным и экономным. Собрав достаточный для решения поставленной задачи материал и проанализировав его с различных точек зрения, Александр Романович четко планировал все аспекты будущей монографии, весь процесс ее

Улица Знаменка. Справа комплекс Российской государственной библиотеки с бывшим Пашковым домом

«производства» (структуру, последовательность разделов, объем и т. п.).

Готовясь к написанию монографии, Александр Романович подбирал соответствующие «источники» (чаще всего в Ленинской библиотеке) на английском, французском, немецком языках. Много книг было и в его собственной библиотеке, которую он собирал всю жизнь. Читал он очень быстро, часто «по диагонали», подчеркивая нужные абзацы, но никогда не составлял конспектов прочитанных книг. Читал обычно перед сном; на его «ночном столике» (тумбочке около кровати) и в московской квартире, и на даче всегда лежали научные, а не художественные книги, и по их подбору можно было понять, что именно он задумал написать.

Кстати, он никогда из этого не делал тайны. Наоборот, любил обсуждать свои литературные замыслы с сотрудниками. В числе его собеседников нередко бывала и я. Александр Романович обсуждал с нами, своими учениками, уже написанные разделы книги, прислушивался к нашим советам. Так, когда он писал монографию «Высшие корковые функции...» (это было летом 1961 г.), я посоветовала ему включить в описание всех (а не только отдельных) синдромов параграфы об интеллектуальных изменениях, что он и сделал (хотя сначала не собирался писать так подробно). Я была очень горда этим проявлением уважения к моему мнению.

Писал книги Александр Романович почти начисто, главу за главой. Он как бы «считывал» книгу с какой-то уже готовой матрицы из своей головы. Общая структура книги была ясна ему с самого начала настолько, что почти никогда уже не переделывалась. Дописывались или переделывались лишь отдельные «куски». Иногда вставлялись новые рисунки, примеры из протоколов и т. п. Рукописи А.Р. Лурии печатала одна и та же машинистка — Зинаида Григорьевна, жившая недалеко от Александра Романовича, на Арбате (Александр Романович жил на улице Фрунзе). В то время на месте нынешней Арбатской площади было много небольших старинных особняков, а на углу — знаменитая аптека,

которая упоминается в описаниях старой Москвы. Александр Романович сам относил машинистке свои рукописи и забирал готовый материал, иногда посылал нас, своих сотрудников (Зинаида Григорьевна была пожилой женщиной, ей трудно было ходить).

Машинописный текст Александр Романович почти не правил, книга выходила из-под его пера практически готовой. На стадии рукописи мне приходилось читать и иногда редактировать его тексты (во всяком случае, он называл это так). Моя задача состояла, главным образом, в устранении повторов (они случались), иногда — в упрощении фразы, реже — в

некотором логическом уточнении текста. Александр Романович внимательно относился к моему редакторскому усердию и часто со мной соглашался. Мне было, конечно, лестно, а главное — очень полезно такое сотрудничество; ведь я была свидетелем (почти участником) его творчества. Эта была прекрасная школа, в которой я многому научилась.

Говоря об А.Р. Лурии как ученом, нельзя не отметить и другие особенности его личности. Он был открыт для всех, кто интересовался его работой, в том числе и для своих критиков. В лаборатории в Институте нейрохирургии Александр Романович систематически проводил открытые

обсуждения заболеваний, на которых присутствовали не только члены лаборатории, но и сотрудники института, и совсем посторонние люди из разных учреждений. Разборы состояли из подробного обсуждения результатов исследования того или иного больного. Это была творческая «кухня», где каждый имел право голоса, где все мы «думали вслух». На этих разборах Александр Романович демонстрировал совершенно открытый стиль творчества. Более того, он очень старался быть понятным. Подобный стиль царил и на кафедре, где также систематически проходили научные заседания. Говоря современным языком, Александр Романович был сторонником

самой широкой гласности в науке, свободы высказываний всех и по любому вопросу. Этот стиль в науке, как известно, большая редкость. Многие научные коллективы боятся выносить свои результаты на всеобщее обсуждение, и от этого страдает и наука, и научная этика.

Очень привлекательной чертой Александра Романовича как ученого и человека была доброжелательность к своим коллегам и к нам, своим ученикам. Он всегда был рад чужому успеху. Все наши научные «достижения» не оставались незамеченными. Он поощрял в нас самостоятельность, укрепляя веру в свои силы, всячески подчеркивал авторство тех или иных исследований. Он не знал чувства зависти. Его одобрение было всегда искренним. Эту черту Александра Романовича хорошо знали в научной среде и часто просили его написать рецензию на книгу, статью, учебник и т. п., что он охотно делал.

Атмосфера доброжелательности, поддержки привлекала к А.Р. Лурии молодежь (в том числе и многих иностранцев). У него всегда было много аспирантов, стажеров, желающих работать в науке. Он не видел различий между аспирантами и другими своими сотрудниками без степени. Всех он поощрял к подготовке кандидатских диссертаций, а тех, кто постарше — докторских. Число подготовленных им кандидатов (и докторов) наук неизвестно (их было больше 50 еще в начале 60-х гг.). Наиболее интересные из диссертационных работ в 60—70-х гг. печатались под его редакцией в издательстве МГУ в серии «Нейропсихологические исследования» (вышло 10 таких «малых» монографий). Творческая, доброжелательная атмосфера, царившая в коллективе, которым руководил Александр Романович, способствовала научному росту молодежи, созданию научной школы. Многие из его учеников до сих пор придерживаются луриевских принципов научного исследования и научной этики.

Александр Романович был типичным «трудоголиком». Он готов был работать — читать, писать, говорить, думать о своем деле — круглые сутки. И это ему удавалось еще и потому, что его

домашняя жизнь была хорошо организована. Дома он был окружен заботой и вниманием. Главной в семье была его жена Лана Пименовна (микробиолог, доктор наук, работавшая в академическом институте). Александр Романович всецело полагался на нее во всех домашних делах, лишь иногда ездил на машине на рынок за продуктами (если посылали). Домашним хозяйством занималась тетя Оля (Ольга Харитоновна). Она жила еще в семье отца Александра Романовича — Романа Альбертовича — в Казани и знала Александра Романовича с детства. Тетя Оля прекрасно готовила, у нее были фирменные блюда (например, пироги, щи, котлеты), которые она готовила по своим рецептам. Леночка, дочка Александра Романовича, хозяйственными делами особенно не занималась. Она училась (в школе, на биофаке), работала (по микробиологии), готовила диссертации (кандидатскую, докторскую), писала книги (по специальности).

Луриевский дом был очень гостеприимным, открытым. Помимо нас, сотрудников, аспирантов, студентов, к Александру Романовичу постоянно приходили его многочисленные знакомые и друзья. Одним из самых близких был А.В. Запорожец, с которым А.Р. Лурию связывали долгие годы дружбы. В доме Александра Романовича я встречала многих известных психологов: Б.В. Зейгарник, Ф.В. Бассина, А.Н. Леонтьева, М.Г. Ярошевского, Е.Н. Соколова, А.В. Петровского, В.П. Зинченко, В.В. Давыдова и многих других. Его посещали и физиологи (Н.А. Бернтшейн, О.С. Адрианов, Н.Н. Бехтерева и др.), и математики (И.М. Гельфанд, М.Л. Цетлин, Л.Д. Мешалкин), и лингвисты (В.В. Иванов и др.). В его доме останавливались, приезжая в Москву, ленинградские друзья (Г.И. Гершуни, Н.Н. Трауготт и др.); заходили грузинские психологи (А.С. Прангишвили, Д.Н. Узнадзе, В.М. Мосидзе). Частыми гостями в доме Александра Романовича были иностранные ученые (психологи из США, Канады, Англии, Польши, Финляндии и других стран). В его доме бывали К. Прибрам, Л.Т. Тойбер, Р. Якобсон, О. Зангвилл, С. Вай-

Улица Знаменка
со стороны Арбатской площади.

скранц, Г. Уолтер, Дж. Брунер и многие другие. Постоянными посетителями луриевского дома были и его иностранные стажеры и аспиранты — М. Коул, М. Климовский, М. Шуаре, М. Марушевский и другие.

Свободно владея тремя европейскими языками (английским, немецким и французским), А.Р. Лурия непринужденно общался со своими иностранными коллегами и предпочитал это

делать в домашних условиях. Александр Романович приглашал зарубежных ученых в свой дом, пренебрегая негласным запретом на контакты с иностранцами. Лана Пименовна хлопотала с угощением (кофе, фрукты и т. п.). Гостей Александр Романович обычно принимал в своем кабинете. Сначала это была сравнительно небольшая комната с одним окном, вся заставленная книжными шкафами, в которой домини-

ровал большой письменный стол. В 1963 г. Александр Романович «переехал» в самую большую комнату квартиры с двумя окнами, где после ремонта появилась новая мебель, картины и, конечно, сохранился старый удобный письменный стол. А.Р. Лурия питал слабость к мебели из красного дерева, покупал ее в комиссионных магазинах и отдавал на реставрацию. В те годы такая мебель была немодной, но у Александра Романовича были свои пристрастия. В доме было много вещей из «красной мебели», что придавало всей обстановке особую респектабельность.

В доме поддерживались чистота и порядок. Режим дня строго соблюдался. Александр Романович был «жаворонком». Он вставал рано (в 7–8 часов) и обычно еще до прихода в клинику успевал поработать. В 2 часа дня он приходил домой обедать. После обеда спал 15–20 минут — это была многолетняя привычка. Александр Романович говорил, что короткого послеобеденного сна ему достаточно, чтобы отдохнуть.

Во второй половине дня Александр Романович уходил в университет (он всегда ходил туда пешком), в академию и т. д. А вечером читал, принимал гостей. Ложился спать всегда рано — не позже десяти часов; мы, сотрудники, это знали и позже 9–10 часов ему не звонили.

Летний сезон семья проводила на даче в Свистухе. Обычно первым туда переселялся Александр Романович. Это происходило во время майских праздников (1–5 мая). Он отправлялся на машине вместе с тетей Олей. Сам он машину не водил, у него был шофер (общий с А.Н. Леонтьевым, который тоже пользовался машиной лишь как пассажир). На дачу привозилось все необходимое для работы Александра Романовича над очередной книгой (протоколы, рукописи и т. д.). В мае Александр Романович бывал в клинике реже, он приезжал в Москву на несколько дней и вновь возвращался в Свистуху.

Во второй половине мая он уже полностью переселялся на дачу. К нему присоединялась и вся семья. Все очень любили Свистуху — свой дом, сад, тишину, леса вокруг, канал, речку

Яхрому. Как рассказывал Александр Романович, дом был куплен вскоре после смерти отца (в 1945 г.) и продажи старой дачи, находившейся вблизи от Москвы в шумном дачном поселке. Дом в Свистухе был построен известным художником Ивановым. Это необычной конструкции двухэтажное здание, сложенное из целых сосновых бревен, удобное, просторное, с большой террасой, выходящей в сад. На втором этаже дома — большое помещение с широкими окнами на все четыре стороны света. У северного окна, из которого открывается вид на сад и шеренгу высоких елей, высаженных еще старым хозяином вдоль забора для охраны от северных ветров, стоял письменный стол Александра Романовича, за которым он работал. Как и в московской квартире, письменный стол был старинным, большим и удобным, на котором каждая вещь знала свое место. Порядок на столе не позволялось нарушать никому, и все строго соблюдали это правило.

Как уже говорилось выше, почти все книги Александр Романович писал на даче, за этим столом. За 3–4 летних месяца он успевал написать монографию (18–20 печ. л.).

Александр Романович любил хорошие письменные принадлежности — бумагу, ручки, карандаши, резинки, клей и т. п. Все это он обычно привозил из зарубежных поездок, которые в 60-е — начале 70-х гг. были довольно частыми. Он писал аккуратным мелким почерком, почти без помарок, подчеркивая нужные места или выделяя их цветными карандашами. Он любил, чтобы рукопись выглядела красиво.

На даче, как и в городе, соблюдался строгий режим дня. Александр Романович вставал не позже 8 часов. К этому времени тетя Оля готовила завтрак, ставила самовар. После завтрака он тут же принимался за работу и сидел за письменным столом 4–5 часов. В 12–13 часов он спускался для общения с семьей, обеда, отдыха.

Пока Александр Романович работал, все остальные «чада и домочадцы» (семья и гости, которые на даче не переводились) жили своей жизнью: поздно вставали, ходили на речку

купаться, завтракали, возились в саду, загорали и т. д. Вокруг дачи — много красивых мест, куда можно было пойти, и каждый выбирал себе отдых по душе.

Во второй половине дня (если Александр Романович не садился вновь за работу) — общие разговоры; или походы в ближайшую деревню (за рыбой, ягодами и т. п.), иногда — прогулки по ближним маршрутам (к речке Яхроме или к ближнему лесу). Далекие прогулки Александр Романович предпринимал нечасто. Это были походы в лес за грибами вместе с Леночкой, которая тоже любила собирать грибы. Она рассказывала потом, как Александр Романович, подойдя к дереву, кричал: «Ленок! Смотри, какой ты хороший гриб нашла!» Александр Романович хорошо знал не только грибы, но и всякую лесную живность. Он умел различать птиц по голосам, знал породы деревьев, вместе с Леночкой ходил в ближний лес кормить белок.

К вечеру семья и гости собирались на террасе за вечерним чаем. На столе стоял самовар; тетя Оля угощала своими пирогами, вареньем. За столом шел общий шуточный разговор обо всем на свете (особенно о событиях прошедшего дня), после чего гости спешили попасть на паром через канал, чтобы не слишком поздно вернуться в Москву. До парома нас подвозил обычно Александр Яковлевич (зять Александра Романовича).

Иногда Александр Романович и Лана Пименовна оставляли гостей переночевать — дом был большой и места было много.

На даче Александр Романович вел иногда «светскую жизнь» — сам ходил в гости к своим знакомым по Свистухе. В ту пору в Свистухе жили научные работники, художники, артисты. Особенно Александр Романович любил навещать М.И. Кнебель, известного театрального режиссера, которая проводила отпуск в Свистухе со своей сестрой. У Александра Романовича и Марии Иосифовны были общие художественные интересы. Еще в 20-е гг., после выхода на экран знаменитого фильма «Броненосец «Потемкин», Александр Романович познакомился с

С.М. Эйзенштейном. Их дружба продолжалась много лет (это особая тема), до скоропостижной смерти Сергея Михайловича в 1948 г. от инфаркта. С тех пор Александр Романович интересовался «образным языком», художественными средствами выразительности, поэтому ему и Марии Иосифовне было о чем поговорить. Они написали даже совместную статью «Пути и средства кодирования смысла», которая была опубликована в «Вопросах психологии» (1971, № 4).

В доме Александра Романовича всегда жила собака. В 50-е гг. эта была Тяпа — ирландский терьер, самка, а потом — ее сын, тоже Тяпка, — веселый шустрый коричневый пес с висячими ушами. В Москве за ним в основном ухаживала тетя Оля (кормила, водила гулять), остальным было некогда. Но на даче он жил настоящей полнокровной жизнью, бегал где хотел, результаты чего не замедлили появиться в виде большого числа собак в Свистухе и окрестностях, похожих на Тяпку (правда, в отличие от Тяпки, у них странно сочетались ирландские и местные признаки — хвост колечком, светлые пятна на боках и т. п.). Тяпка очень любил сопровождать Александра Романовича на прогулках; обычно он делал большие круги, исследуя окрестности, но иногда высоко подпрыгивал, чтобы увидеть хозяина. Тяпка был дружелюбным, веселым псом, который прекрасно относился ко всем, кто приходил в дом, но больше всего он любил тетю Олю, свою «кормилицу».

На даче мы часто отмечали день рождения Александра Романовича — 16 июля, «макушка лета». Обычно в этот день стояла хорошая погода. Мы, сотрудники (те, кто не уехал в отпуск), созванивались и отправлялись в гости к нему. Везли с собой торт, шампанское. Пешком от станции Турист до Свистухи — довольно далеко. Надо было идти до парома, ждать, когда он придет и перевезет на другой берег канала, а потом добираться до Свистухи через поля и лесок. Дорога занимала около часа. Но в это время в полях, в лесу все цвело (таволга, кипрей, васильки), и мы с удовольствием шагали к нашему дорогому имениннику.

Александр Романович был рад нам всегда, а в этот день особенно, и мы устраивали ему небольшой праздник. Кстати, сам Александр Романович шутил: «Государство платит нам деньги за то, что мы удовлетворяем свое любопытство». Для него основным мотивом для занятия наукой действительно был интерес к предмету, любопытство. Но и другие хобби тоже были. Он очень любил путешествовать. В молодые годы вместе с Ланой Пименовной объездил Кавказ, Крым. В 60-е гг. они путешествовали по Сибири, Дальнему Востоку, Средней Азии, северным местам (Валаам, Киж). Александр Романович много раз ездил по Золотому кольцу и возил туда своих друзей смотреть старинные русские города. Пока позволяло здоровье, он часто бывал за границей — он объездил почти всю Европу, что было в те годы большой редкостью. В 1929 г. он посетил Германию, а потом — Америку (где, участвуя в международном конгрессе, приобрел много друзей и долго переписывался с ними). Даже во время летнего отпуска в Свистухе он иногда прерывал свои занятия и отправлялся на машине в короткие путешествия (г. Дмитров и др.).

Во время своих путешествий Александр Романович много фотографировал. Он был хорошим фотографом, почти профессионалом. Правда, проявлением пленок никогда не занимался, а отдавал их в фотолабораторию. В последние годы он стал делать слайды и очень любил показывать их своим гостям, рассказывая о своих поездках. У него были серии слайдов по разным местам, разным странам, где он побывал. Некоторые из его фотографий были похожи на произведения искусства (капли на ветках, снег на хвойных лапах, травы и др.).

Он, безусловно, обладал хорошим художественным вкусом. Любил живопись, собирал альбомы картин известных западных мастеров. У него была хорошая коллекция таких альбомов.

Александр Романович любил устное художественное слово — ему нравилось слушать хороших рассказчиков, ценил ораторское искусство. Сам он был хорошим оратором. Его речь была ясной («прозрачной»), он умел говорить просто о сложном, чем вводил некоторых слушателей в заблуждение. Им казалось, что все, что он рассказывает, чуть ли не банально. Однако пересказать его сообщение им не удавалось, так как это была мнимая простота. Это была та краткость изложения мысли, которая, как известно, сестра таланта.

Александр Романович был разносторонним человеком. Если бы он жил в другое время, он, наверное, смог бы полнее проявить свои способности. Но и в свое время, при достаточно сложных обстоятельствах, он реализовал себя как блестящий ученый, сумевший войти в число выдающихся представителей отечественной и мировой науки.

Л.С. Выготский как-то назвал А.Р. Лурию гармоничным, мажорным человеком. Действительно, он излучал энергию, бодрость, ясность духа, умел сохранять душевное равновесие, любил шутить; в принципе, он был доволен своей жизнью, так как занимался любимым делом. Подобные душевные качества редки, как редок талант. И я благодарна судьбе, что она свела меня с таким человеком и дала мне возможность работать с ним на протяжении многих лет.

Е.Д. Хомская